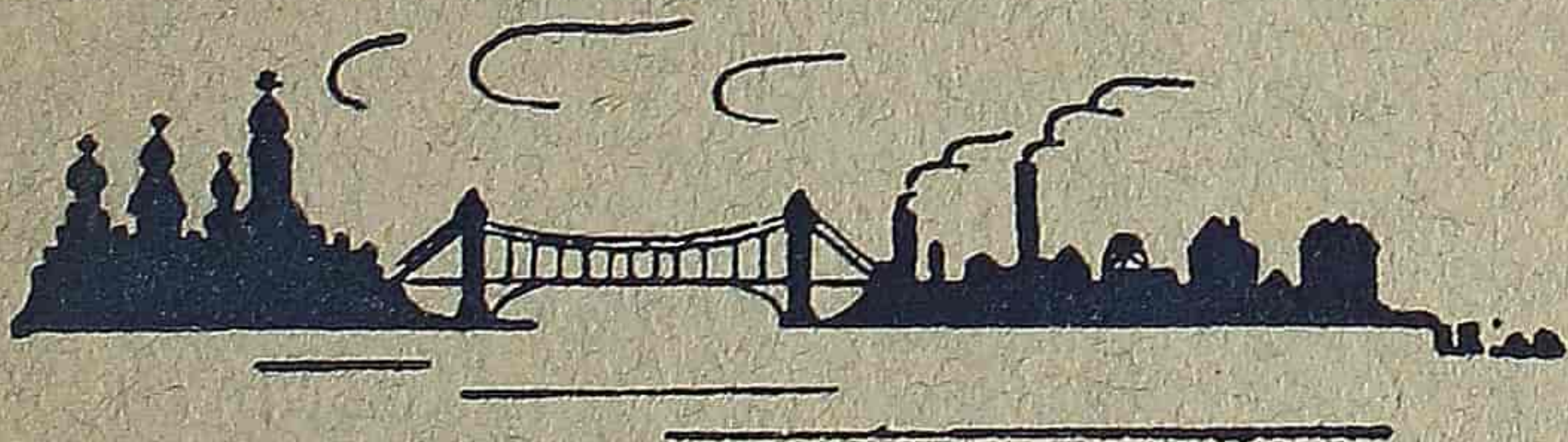

Б₂₁ 793

„КНИЖНЫЙ КРУЖОКЪ“

ЗООЧІЙ

(шнхн)

Бѣлградъ
1927

„КНИЖНЫЙ КРУЖОКЪ“.

ЗОДЧИЙ

СТИХИ

Члену Королевской Академии

Науки профессору
Александрѣ Свободному

Бѣльскому.

Бѣлградъ, 5 октября 1927 г.

КНИЖНЫЙ КРУЖОКЪ

Бѣлградъ

БѢЛГРАДЪ

1 9 2 7

И. Бр. 796

ОТЪ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

„Книжнаго Кружка“.

Выступающіе здѣсь передъ русскимъ обществомъ молодые поэты объединились на страницахъ „ЗОДЧАГО“ не случайно. —

Ихъ сближаетъ, какъ пребываніе въ одной литературной группѣ, такъ еще болѣе—общіе взгляды на искусство, въ особенности — на поэію русскую.

Взгляды эти отправной точкой имѣютъ признаніе исключительнаго значенія искусства въ русской жизни и исторіи. Учитывая катастрофичность многихъ сдвиговъ минувшаго двадцатилѣтія и стремясь къ художественному претворенію своего времени, участники „ЗОДЧАГО“ убѣждены, что задача эта выполнима лишь при условіи продолженія русской культурной традиціи.

Періодъ разрушенія кончается. Жизненному обновленію и красотѣ послужитъ свободное искусство, очистившееся какъ отъ эксцессовъ формализма, такъ и крайностей эстетизма, и освобожденное отъ услуженія „тенденціи“.

Творчество — долгъ прежде всего передъ самимъ собою.

Миссія искусства — въ невольномъ и самодовлѣющемъ раскрытіи цѣнностей непреходящихъ... Грядущее искусство отвѣтитъ на героическій ритмъ эпохи и будетъ мужественнымъ.

Художество можетъ быть полезно лишь тогда, когда не стремится ни къ какой наивно-эмпирической пользѣ.

Съ этой вѣрою вступаетъ въ жизнь „ЗОДЧИЙ“.

Октябрь 1927 года.
въ Бѣлградѣ.

Вс. ГРИГОРОВИЧЪ.

П О Э Т Ы.

Мы одиноки, какъ ветлы въ поляхъ,
Руки, какъ вѣтви, вздѣваемъ въ моленьи;
Молимся мы о землѣ и мірахъ
И о великомъ и маломъ движеньи.

Денно и ночью исходимъ слезой,
Денно и ночью пылаемъ восторгомъ.
Въ дали, въ великій просторъ вѣтровой
Тянемся мы вереницею гордой.

Тайна глубокая намъ вручена:
Слово, прекрасное Слово отъ Бога,
Наши стихи — для вѣковъ письмена.
Наше служенье священно и строго.

Ветлы мы... шепчется въ сердцѣ листва...
Рябью серебрянной листвы играютъ.
Тихо, какъ листвы на землю, слова
Звономъ хрустальнымъ чуть слышнымъ спадаютъ...

Всѣ, что устали... кто много страдалъ...
Всѣ, что упали въ тоскѣ на колѣни,
Сопричащенія съ нами бокаль
Съ вѣрой испейте въ живительной сѣни.

Всѣ къ намъ прійдите... Моленья экстазъ
Солнцу, вѣтрамъ, поцѣлуямъ и бою,
Вмѣстѣ внесемъ мы... и музыкой васъ
Нашихъ стиховъ успокоимъ.

Вс. Григоровичъ.

И З И Д А.

Когда по вечерамъ смотрю на Васъ, —
Всю въ паутинѣ золотой заката,
Мнѣ говорятъ о видѣнномъ когда-то
Разрѣзы Вашихъ удлиненныхъ глазъ.

Склоняюсь всей душою въ глубину
И ухожу во мглу тысячелѣтій,
И вижу вновь въ спокойномъ лунномъ свѣтѣ.
Мной позабытую давно страну:

Течетъ серебрянный и древній Ниль,
Темнѣютъ въ синихъ даляхъ пирамиды,
Горитъ предъ ликомъ бронзовой Изиды
Багровый пламень храмовыхъ кадиль.

Въ священномъ трепетѣ толпа жрецовъ
Приникла къ плитамъ каменнымъ главами. —
Богиня смотритъ длинными глазами
И мурро капаетъ съ ея сосцовъ...

И полонъ тайной озаренный храмъ.
И за порталомъ въ пальмахъ ночь вздыхаетъ.
И тихій шопотъ съ жаркихъ устъ слетаетъ,
Вносясь молитвой пламенной къ богамъ.

Вс. Григоровичъ.

ВЪ НОЧНЫХЪ ПОЛЯХЪ.

Тоскую все больше, все глубже.
Въ поля ухожу я душой.
Иду по дорогамъ, гдѣ лужи
Алѣютъ вечерней зарей.

Гдѣ вѣтеръ, бурьяны колышетъ,
И треплетъ на горкахъ кусты,
Гдѣ въ небѣ все выше и выше
Восходятъ созвѣздій кресты.

Иду по дорогамъ упиться
Просторомъ и вѣтромъ вполнѣ,
И слышу я въ полѣ, какъ птицы
Летятъ надо мной въ вышинѣ.

Громадная, гордая птицы...
Не вижу — лишь клекоть да шумъ.
Но летъ ихъ широкій мнѣ снится
Потомъ среди будничныхъ думъ.

И сердце о чемъ то страдаетъ,
И бьюсь я на черной землѣ —
Товарищъ, отбитый отъ стаи
Стрѣлой, прозвенѣвшей во мглѣ.

Вс. Григоровичъ.

НАДЪ ГОРОДОМЪ.

Надъ городомъ моя тоска
Встаетъ громаднѣй всѣхъ строеній.
Какъ половодная рѣка,
Я въ страшной власти изступленій.
Въ ночной, беззвѣздной глубинѣ
Гроза и ливни отшумѣли,
И дерзновеніе во мнѣ
Запѣло яростью мятели.
Моя душа и я — одно.
То я встаю громадной тѣнью,
И ясно вижу черезъ окно
Свое мятежное движеніе.
И плащъ мой улицы мететъ,
Шагаю прямо черезъ крыши.
Но мой широкій, вѣщій ходъ
Еще пока никто не слышитъ.
Одинъ, одинъ съ своей тоской...
Одинъ у края жуткой грани,
Одинъ надъ жадною толпой,
Исканьемъ Вѣчнаго израненъ.
Кругомъ глухая пустота
И жгущій тѣло ледъ эфира...
Но чую я: уже Мечта
Рождаетъ Новый Образъ Міра.
Грохочать съ лязгомъ молотки
Въ его горячей преисподней
И можетъ быть уже сегодня
Послѣдній день моей тоски!

АНГЕЛЪ ЧИСТОТЫ.

Я никогда не видѣлъ дальнихъ горъ,
Гдѣ обитаетъ Ангелъ Чистоты.
Гнилой туманъ мнѣ застилаетъ взоръ
И возлетѣтъ нѣтъ силы у мечты.

И я года надъ омутомъ дремлю.
Я, какъ ветла, склоняютъ надъ водой
И въ ней отсвѣты неба я ловлю
Своей обросшей тиною рукой.

Но въ часъ, когда блѣднѣющій закатъ
Свой тихій свѣтъ въ болотѣ отразитъ
Бываю я предчувствіемъ объять
И, какъ листва, вдругъ сердце задрожитъ.

И тамъ, въ водѣ, таинственныхъ высотъ
Далекій контуръ встанетъ, какъ миражъ,
И чей то изумительный полетъ
Вдругъ серебро прольетъ на синій кряжъ.

И два крыла, какъ молнія сверкнутъ,
Скрестясь на мигъ въ прозрачной высотѣ,
И два крыла за бездной упадутъ,
Все потопивъ въ беззвѣздной темнотѣ.

И снова вѣтви я къ водѣ клоню —
Безсильны возлетѣтъ мои мечты.
Лишь отблескъ дальнихъ горъ въ душѣ
храню,
Гдѣ обитаетъ Ангелъ Чистоты.

Д О Л Ж Е Н Ъ.

Числами — этими иглами льда —
Неустанно пытаю свой мозгъ.
Я желаю отъ солнца уйти навсегда
И забыть обаяніе розъ.
Юности — бурному вихрю крови —
Воздвигаю Монбланы преградъ.
И въ пустыни, въ пески я бѣгу отъ
любови

И боюсь оглянуться назадъ.
Мнѣ ли, узнавшему тайны земли,
Упоенному розсыпью звѣздъ,
Созерцавшему въ синей отъ молній дали
Божество въ ослѣпительный ростъ;
Мнѣ ли, возжегшему мысли костеръ,
Приобрѣвшему въ битвахъ закалъ,
Расплескать вдругъ за ласковый
дѣвичій взоръ

Свою душу, какъ полный бокаль.
Вновь ли огромную боль пережить
И увидѣть, какъ станетъ онъ пустъ?
Это тѣло на плаху опять положить
И услышать костей своихъ хрусть.
Нѣтъ, не хочу я свалиться опять
Обезкровленнымъ, блѣднымъ во прахъ!
Подъ самумомъ идущимъ теперь устоять
Долженъ я на обѣихъ ногахъ!

Вс. Григоровичъ.

Изъ цикла „Океаны“.

I.

Когда ложатся тѣни длинныя, —
Предвѣстницы вечернихъ тайнъ, —
Я прихожу къ окну съ аршинными
Плакатами всемірныхъ „Лайнъ“.

Въ плакатахъ страннсе мерещится.
Въ ихъ пестротѣ судьбы полеть.
Вотъ также море жизни плещется
И въ даль уносить пароходъ.

Пусть сердце молодо и вѣритъ такъ
Миражамъ дальнихъ, дальнихъ странъ—
Между Европой и Америкой
Давно изъѣзженъ океанъ.

И пусть колдуютъ ночи синія
И маяки надеждъ горятъ —
Всѣхъ этихъ „Лайнъ“ кривыя линіи
Дугою падаютъ въ закатъ.

Вс. Григоровичъ.

Плыветъ звѣздой надъ океанами
Фонарь, повѣшенный на топъ.
И я мечтой своей охваченный
Глаза вперяя вдаль, привыкъ
Къ тому, что въ день и часъ
назначенный
Открою новый материкъ.

ПРЕВЫШЕ СИЛЬ.

Превыше силь, сошедшая на насъ,
Какъ облако, сокрывшая всѣ дали,
Незванная. нежданная любовь...
Превыше силь назначенный намъ часъ
На жизненномъ пути нѣмой печали,
Какъ волны, возстающей вновь и вновь.
О, чьи уста заклатья прошептали
И кто тогда надъ нами ворожилъ,
Когда въ поляхъ деревья умирали
Когда ущербный мѣсяцъ восходилъ?...
Какъ дѣти, мы не знали нашихъ силь.
И, какъ глупцы, игры не разсчитали...
И, какъ преступники, осуждены
Теперь Судьбою за минутный пылъ
Влачить оковы тягостной печали
И видѣть о прошедшемъ только сны.
Да, мы грозой сраженные, упали,
Подъ душнымъ облакомъ простерлись
нищъ.
Такъ пусть же судъ! Но мы хоть разъ
видали
Безмѣрный свѣтъ счастливыхъ нашихъ
лицъ.

Евг. КИСКЕВИЧЪ.

1924-27 г.

СИЗИФЪ.

Работай, работай. работай,
Чеканя слова и бетонъ,
Пока не обниметь дремотой
Короткій, прощающій сонъ,
Пока не возьметъ подъ воскрылье,
Ведя по завѣтнымъ мѣстамъ,
Надъ кровью, надъ пылью, надъ былью,
По звѣзднымъ высокимъ мостамъ.
Далеко внизу, подъ пятою,
Гдѣ въ безднѣ зіяють поля,
Увидишь, что взрыто тобою
И какъ отвѣчала Земля,
И все, что живетъ и убито,
Что создано властной борьбой;
Увидишь дворцы изъ гранита
И битвы пожаровъ съ водой.
Твоими руками, твоими
Міръ полонъ, какъ водоемъ,
Но имя, но имя, но имя
Чужое увидишь на всемъ.
Тогда, одурманясь дремотой,
Проснись и опять, безъ конца,
Работай, работай, работай,
Творя для иного вѣнца.

Евг. Кискевичъ.

П О Ц Ъ Л У Й.

За косогоромъ хоръ фабричныхъ глотокъ
По гулкимъ рощамъ вопль еще бросалъ,
Но вечеръ былъ неизреченно кротокъ,
Но вечеръ былъ — стихающій хораль.

Такъ было, иль казалось такъ, за садомъ,
Тамъ, на скамьѣ изъ дерна и земли,
Гдѣ двое встрѣтились упорнымъ взглядомъ
И оторваться больше могли.

Сгущались тѣни. Въ воздухѣ лиловомъ,
Гдѣ вѣстникомъ казался каждый кустъ,
Онъ видѣлъ плечи подъ платкомъ суровымъ
И абрисъ замолчавшихъ влажныхъ усть...

О, рукъ, сердець и губъ оцѣпенѣнье!
Но нѣжной важностью струился взглядъ,
И вѣчность разверзалась во мгновеньи,
И время запрокинулось назадъ.

Разгадывая сторогихъ глазъ загадки,
Онъ наклонился, жаждою томимъ,
И первый поцѣлуй, нѣмой и краткій,
Остался навсегда неповторимъ.

ЗВѢЗДНЫЙ ГОРОДЪ.

Твое окно закатъ зажегъ пожаромъ.
Давно угасли блики на рѣкѣ,
Незримый сонъ ложится зримымъ паромъ,
Твое окно сіяетъ вдалекѣ.
Въ вечернемъ воздухѣ, густомъ и гулкомъ,
Надъ пыльной площадью и надъ толпой
Твое окно, за дальнимъ переулкомъ,
Одно горитъ играющей звѣздой.
Волшебство тьмы сиреневою тушью
Чернить дворы и улицы подрядъ...
Я не пойду проулочною глушью,
Надъ бездной города бросаю взглядъ —
И ночь моя становится игрою:
Нѣтъ знаменья, но знаменій хочу!...
И я дождусь, что полночь надъ землею
Развѣситъ звѣздъ холодную парчу.
Тогда, взволнованный ночнымъ движеньемъ,
И разгоняя синь и ложь тѣней,
Отвѣтитъ городъ пылкимъ отраженьемъ,
Своихъ огней, лучей, оранжерей.
Тогда, надъ дремлющимъ вдали предмѣстьемъ,
За паркомъ липъ, гдѣ влажно и темно,
Упавшимъ мнѣ привидится созвѣздьемъ
Фонарь и баръ, и яркое окно.
Я различу кругомъ другіе знаки:
Созвѣздья Оріона и Вѣнца
Пройдутъ въ отображенномъ Зодіакѣ,

Евг. Кискевичъ.

Горя и потухая безъ конца.
Когда же ночь въ бунтующемъ весельи
Умреть, вздохнувъ, созвѣзды погасивъ,
И трезвый день замѣнить ожерелья
Изъ фонарей просторныхъ перспективъ —
Тогда вокругъ погасшаго за садомъ,
Въ ночи, окна, какъ безотчетный крикъ,
Надъ моремъ крышъ скользя отвѣтнымъ
ВЗГЛЯДОМЪ
Созвѣзды Дѣвы явится на мигъ.

МОЛЕНИЕ О ЧУДѢ.

Въ глухомъ полусумракѣ храма оплывшія
зыблились свѣчи,
Ропталъ и молитвенно вился вздыхающій клиросъ.
Угрюмый блондинъ у колоннъ прислонилъ
ослабѣвшія плечи,
И плакалъ о томъ, что чудо любви не
свершилось.

Въ златомъ алтарѣ осіянномъ сѣдой и нестарый
священникъ
Въ смятеніи протягивалъ длань межъ землею и
небомъ:
Не вѣрилъ, опять не повѣрилъ онъ, тлѣннаго
знанія плѣнникъ,
И Жертва осталась сухимъ и черствѣющимъ
хлѣбомъ.

Онъ такъ заклиналъ, чтобы сѣмя содѣлалось
кровью и плотью...
Въ смятеніи слушалъ вздыхавшій молитвами
клиросъ,
И снова крестился: двуперстно, перстами пятью и
щепотью.
Но онъ не повѣрилъ и чудо любви не свершилось.

Она не хотѣла повѣрить, что онъ самый лучшій
и смѣлый,
Герой, побѣдитель драконовъ и ратей и воинствъ,
Неузнанный викингъ, способный на властное
слово и дѣло,
Носитель идеи и славы, богатствъ и достоинствъ.

Евг. Кискевичъ.

А онъ такъ стремился и такъ простодушно по-
дѣтски не хитро...

Аллея березъ, какъ цвѣты и луна, обманула,
Альты Херувимской звенѣли невѣрной игрою
Анитры,

Она не повѣрила, чудо любви не сверкнуло.

Одинъ у колодной колонны, другой за узорною
дверцей

Внимали, какъ вился и падалъ рокошующій клиросъ.
Надежда еще не согрѣла имъ страстное сердце,
И глухо рыдали, что чудо любви не свершилось.

УТВЕРЖДЕНІЕ.

Инж. А. В. М.

Для нерожденныхъ поколѣній,
Для всѣхъ наслѣдниковъ земли,
Бьетъ бурный гейзеръ вдохновеній,
И гибнуть въ битвахъ короли.
Я не хочу служить моделью
Для красокъ, перьевъ, иль рѣзца;
Не средствомъ быть хочу, а цѣлью,
И воплощаться безъ конца
Не только въ дѣтяхъ, иль картинахъ,
Какъ женщина, но какъ творецъ:
Въ бойницахъ, въ храмахъ, въ
гильотинахъ.

И самъ хочу сплести вѣнецъ!
И тамъ, гдѣ мечутся циклоны,
Гдѣ плѣсень гроба и бунты,
Родятся четкіе законы,
Возникнуть книги и мосты.
Такъ утверждать себя хочу я
На перекресткѣ всѣхъ путей,
Не въ сладкогласныхъ аллилуія,
Но силой жизни и страстей,

* * *

Кто полюбилъ на мигъ тотъ разлюбить не можетъ
Твоихъ полей и тундръ безвыходный просторъ.
Кому шепталъ въ ночи свои сказанья боръ,
Кто въ бѣлизну твоихъ повѣрилъ колоколень,

Тотъ обреченъ навѣкъ: и за моремъ тревожить
Колюче-свѣтлый нимбъ терноваго вѣнца,
И жалость гнѣвная, и жалость безъ конца;
Тотъ позабыть тебя и оттолкнуть не воленъ.

Я разлюбилъ тебя. За то, что ты умрешь.
За то что высохла въ твоихъ колосьяхъ рожь.
За то, что позабылъ тебя въ молитвахъ Богъ,

Что сожжена моя въ твоихъ снѣгахъ душа...
За то, что жить хочу, да, жить хочу, грѣша!
За то, что жить, любя, я безъ тебя бѣ не могъ.

ЛѢТНІЙ ДОЖДЬ.

Г-жѣ Л. М. И.

Ни пѣть, ни любить не устану
Блистательный вешній восходъ,
Хоть знаю, что новыя раны
Весна за весною несетъ,

Хоть помню, что новою ложью
Солжетъ вереница ночей —
Опять припадаю къ подножью
Пустыхъ, но святыхъ алтарей.

Взвивайся же, лейся и вейся,
Плѣнительный радостный звонъ,
Съ високаго неба пролейся,
Смывая морщины временъ —

Навстрѣчу играющей жизни
Прообразомъ крови-руды,
Нахмурься, засмѣйся и брызни!
Потокомъ лучистой воды.

М О Л Ч А Н І Е.

Мы знаемъ другъ о другѣ мало
(Когда бъ ты зналъ, ты бъ говорилъ).
Порой рѣчей твоихъ начало
Мерцаетъ, точно шорохъ крыль;
Тогда готовъ кричать отъ боли
Крылатой, страстно-огневой,
И странно мнѣ въ сырой юдоли,
Моею названной землей.
Когда же тяжкое молчанье
Одинъ не въ силахъ я снести,
Пытаюсь я твое мерцанье
На свой языкъ перевести;
Кричу тогда мольбой, войною,
Пожарами средь черной тьмы,
Любовью, кровью и божбою,
Гранитомъ храма и тюрьмы.
И долго говорю. И много.
Порою какъ смѣшной отвѣтъ
На мой вопросъ, прямой и строгій,
Показываютъ пистолеть,
Да время чашей голубою
Въ безгласной тонетъ глубинѣ.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
Я часто говорю съ тобою,
Но ты не отвѣчаешь мнѣ.

Любовь, гдѣ двое побѣдители,
Звѣздой зоветъ черезъ вѣка;
Не отыскать путеводителя,
Дорога зла и далека...
Посмотрить птицей или гадиной
Изъ-за оплеванныхъ камней?
Съ какой очередною ссадиной
Проводить лживый Гименей?
Быть можетъ, доведетъ оскомина
Любви? Иль случай? Иль жена?
Но счастья тайная хоромина
Ввѣкъ — сокровенна и темна.
И много, много искалѣченныхъ,
Восторгомъ вывѣтрившихъ грудь,
Печатью Якова отмѣченныхъ
Съ проклятьемъ продолжаютъ путь,
Затѣмъ, что въ сумерки рожденные
Подъ знакомъ алчущей жены
Любовь, гдѣ оба побѣжденные,
Перебороть обречены.
Но кто то можетъ надъ провалами,
По краю выйти на просторъ;
Другой ладонями усталыми
Заплаканный укроетъ взоръ.
Надъ пропастью взмывая птицею
— Пускай безумье, иль свинецъ —
Но каждый смѣлою десницею
Обязанъ вырвать свой вѣнецъ.

НОВЫЙ ДЕНЬ.

Я говорю о нѣжности о славѣ.
И рѣчь моя проста и хороша,
Когда бреду по выбитой атакѣ,
Кровавый прахъ слезами пороша.

И моря плескъ, и все разноголосье
Звѣрей и птицъ — одинъ согласный хоръ,
И мнѣ вослѣдъ опять цвѣтутъ колосья,
Въ лучахъ звѣзды купая свой коверъ.

Я не могу не видѣть ранъ кровавыхъ.
Но о судьбѣ, что брежжитъ впереди,
И умолчу, и въ гимнахъ величавыхъ
Я буду пѣть во весь размахъ груди.

За облака дыша свои куренья
Поетъ земля просторомъ всѣхъ полей,
И въ тихій часъ вечерняго моленья
Благословляю землю и людей!

Стокрылыми взывая голосами
Надъ кровлей городовъ и деревень,
Подъ голубыми снова небесами,
Я возвѣщаю обновленный день.

Ирина КОНДРАТОВИЧЪ.

1924-27 г.

КОЛДУНЬЯ.

Румяная колдунья
Въ шуршащемъ серебрѣ
Танцуетъ въ полнолуные
На Брокэнской горѣ.

Въ камняхъ синѣютъ тѣни...
Сверкаетъ лунный глазъ
И голыя колѣни
У вѣдьмы, какъ атласъ.

Скрипитъ песокъ пѣвуче
Подъ острымъ каблучкомъ,
Смѣется вѣдьма жгуче
Наивно-краснымъ ртомъ,

Роняетъ амуеты
Изъ желто блѣдныхъ рукъ,
Коса, какъ хвостъ кометы,
Чертитъ блестящій кругъ...

А за камнями рѣзко
Шуршатъ нетопыри,
И ждутъ на небѣ блеска
Янтарныхъ глазъ зари...

Луна, какъ сфинксъ, спокойна
На голубой горѣ!
Колдунья пляшетъ знойно
Въ шуршащемъ серебрѣ.

МЭРИ.

Вспыхнули щеки... Метнулись рѣсницы.
Быстро прошла, прошуршавши шелками,
Стала у двери. Во взорахъ—зарницы,
Мечется злое, колючее пламя.

— Мэри, лукавая, нѣжная Мэри.

Ты разсердилась, ты смотришь такъ

гнѣвно.

Но не уйдешь ты. Я заперъ всѣ двери.

Мэри, останься, моя королева!

Вижу — ты сердисься, ты недовольна;

Но... надъ губою лукавая складка

Мэри, ты шутишь... Не надо... мнѣ

больно.

Мэри, ты дразнишь, ты снова загадка.

Просишь пустить?.. Ледянистые взгляды.

Мэри, останься!.. Не хочешь? Не любишь?

...Что-жъ уходи! Снисхожденій не надо

Что-жъ уходи! Ты мнѣ душу погубишь.

Кончимъ! Я былъ слишкомъ долго

забавой

Хитрой колдуньи, измѣнчивой, рыжей.

Надо покончить съ любовью отравной.

Можешь идти. Навсегда! Уходи-же!

Скрипнули двери... Ушла? Не вернется.

Пусть, Я забуду лукавые чары.

Что это? Кто тамъ у двери смѣется?

... Шорохъ паркета... Шелестъ муара...

Мэри любимой моей свѣтлолицей

Милые взоры смѣются и блещутъ;

Черные, острые стрѣлы-рѣсницы

Около губъ моихъ нѣжно трепещутъ.

СМЕРТЬ МЭРИ.

Мэри рыжая сегодня умерла.
Ночь сегодня призрачно — свѣтла.
Я усталъ безумно, я усталъ...
Отчего луна глядится въ залъ?
Отъ цвѣтовъ струится ароматъ,
Овѣваетъ залъ душистый ядъ.
Мэри, видишь, я Тебѣ принесъ
Самыхъ бѣлыхъ, самыхъ нѣжныхъ розъ:
Ты вѣдь любишь бѣлые цвѣты,
Вся въ цвѣтахъ еще прекраснѣй ты...

.
Ты не слышишь говоръ тихій мой,
Холодна, лежишь подъ кисеей,
Тонкій профиль твой окуталъ газъ,
Далеки, чужды провалы глазъ...
Я зажегъ у гроба три свѣчи,
Я одинъ въ безмолвіи ночи.

.
Слушай, Мэри, брось шутить хоть разъ,
Ты опять за прежнее взялась:
Вижу я, подъ легкой кисеей
Улыбнулся ротъ лукавый твой.
Ты не спишь, Ты дразнишь, какъ всегда,
Вѣрно, Мэри, нѣтъ въ Тебѣ стыда...
Почему вокругъ такая тишь?
Мэри, встань, Ты слишкомъ крѣпко
спишь.

Кто сказалъ, что Мэри умерла?
Развѣ вѣдьма умерѣть могла?..

Ирина Кондратовичъ.

Я заждался, Мэри, ласкъ твоихъ,
Цѣлый день я былъ сегодня тихъ.
О, лукавая колдунья, Ты молчишь...
Ты смѣешься, Мэри, Ты не спишь
Прочь фату, не скроешь отъ меня
Подъ рѣсницами лукаваго огня!

.
Отчего-жъ лицо Твое какъ ледъ?
Безучастно сжать усталый ротъ.
Это правда, Мэри, Ты мертва!
Тяжелѣетъ, никнетъ голова...
За окномъ луна скривила ротъ,
Что она отъ оконъ не уйдетъ?
Мэри, жалкая, любимая моя!
Все ушло и ты... и ты ушла.
Ты безсильна, ты тиха въ гробу,
Ласка смерти теплится на лбу.
Мэри, слышишь-ли мой крикъ, мой
стонъ?

Мэри, встань, вѣдь это... это сонъ!!!
Тишина... Ползетъ и давитъ мгла
Мэри свѣтлая навѣки отошла.

ВЕСЕННЕЕ.

Въ залахъ, въ углахъ зарождалась вечерняя тѣнь.
Свѣчи по стѣнамъ зажечь было дѣвушкѣ лѣнь.

Въ сердце вползали мечты и ласкали его,
Смутно хотѣлось чего то ему... но чего?

Мѣсяць болѣзненный глянулъ въ притихнувшій
залъ,
Блѣдной улыбкой скользнулъ по глубинамъ
зеркаль.

Полосы свѣта легли на паркетномъ полу.,
Дѣвушка всталала и сѣла къ роялю въ углу.

Сумерки стали вдругъ страшно... безмѣрно близки...
Клавиши томно звучали подъ лаской руки.

Дѣвичьи губы украдкой вздохнули не разъ,
Въ чаще рѣсницъ потускнѣло мерцаніе глазъ.

Въ сердцѣ дрожали и гасли неясные сны...
Сердце томила и жгла близость весны.

ПЬЕРО.

Коломбинѣ стало жалко
Бѣлаго Пьеро...
Желтоглазую фіалку
Всунула въ перо,
И дала въ своемъ бокалѣ
Губы омочить...
Но просила о кинжалѣ
Навсегда забыть.
И Пьеро съ перомъ пав-
линѣимъ
Надъ безкровнымъ лбомъ
Цѣловалъ ей тувель синій
Непорочнымъ ртомъ.
А надъ кровлей мозаичной
Злобою полна
Искривила ротъ цинично,
Блѣдная луна...

Александръ КОСТЮКЪ.

Пѣть, чтобы вѣчно пѣть, чтобъ пѣсня возносила
Съ земли замшенной ввысь, къ далекимъ

небесамъ

Пѣть, чтобы вѣчно пѣть. Не въ томъ ли наша

сила,

Что въ унисонъ звучимъ озерамъ и лѣсамъ?

Не въ томъ ли наша мощь, что можемъ

претворить мы

И трепеты зари, и трепеты рѣсницъ

Въ ликующій напѣвъ, въ торжественные ритмы,

Въ мерцанья яркія божественныхъ зарницъ?

И не сильны ль мы тѣмъ, что съ Богомъ воедино

Творимъ мы жизнь и звукъ, творимъ мы жизни

свѣтъ,

Что съ Богомъ заодно космическую тину

Сплавляемъ Словомъ мы въ созвучія планетъ.

1927 г.

М. Р. Ольшановской.

Я васъ не видалъ въ свѣтскомъ платьѣ,
Блюдете вы строгость одежды.
Вамъ нужно стоять у Распятья,
Недвижно сомкнувъ свои вѣжды.

Мнѣ чудится, будто неслышно
Идете
. . . , . . . идешь ты по саду,
Тебѣ повелѣлъ такъ Всевышній,
Такъ надо, такъ надо, такъ надо...

Съ нездѣшной и свѣтлой улыбкой
Идешь ты цвѣтистой долиной...
Ты въ прошломъ, неясномъ и зыбкомъ,
Должно быть была Магдалиной.

1926 г.

АННАМИТСКАЯ ПѢСНЯ.

Плыветь сампань
По черной водѣ,
И ночь вокругъ.
Уснуль банань,
И сонъ вездѣ
Замкнуль свой кругъ.

Не сплю лишь я,
Сампань плыветь,
И мысль — змѣя
Зоветъ впередъ.
Пощады нѣтъ,
Убью врага.
Врага нельзя жалѣть,
И жизнь его не дорога.

Готовъ капкань.
И смерть вездѣ
Очертила свой кругъ.
Плыветь сампань
По черной водѣ...
И ночь вокругъ.

1927 г.

Мы призраки, мы—дѣти сатаны:
Пугая міръ кошмарными мечтами,
Безчислены, безгласны и черны
Мы стаей птицъ летимъ надъ городами...
А, тамъ—внизу, подъ крышами домовъ,
Покрытыми и копотью и пылью
Живутъ — они владѣльцы городовъ,
Покорные предвѣчному насилью.
Никто изъ нихъ ни жизнью, ни судьбой,
Ни самъ собой, ни Богомъ недоволенъ,
Но вѣчный знакъ покорности тупой —
Несется звонъ съ высокихъ колоколенъ.
И день и ночь наемный хоръ жрецовъ
Въ толпѣ рабовъ отъ ужаса дрожащихъ
Поетъ хвалу Создателю Міровъ,
Царю временъ былыхъ и предстоящихъ.
А мы — вверху. Мы — дѣти сатаны
Съ горящими, какъ факелы, очами,
Безчислены, безгласны и черны,
Мы стаей птицъ летимъ надъ городами...
Гудятъ внизу фабричные гудки,
Прносятся трамваи и кареты,
Безсильные плетутся старики —
Руками лѣтъ затертыя монеты;
Раздѣтая гуляетъ нищета,
Влача дѣтей по скользкимъ троттуарамъ,
На всѣхъ углахъ торгуетъ красота

Леонидъ Кремлевъ.

Легко ступая, странно-неземная,
Она вошла, красива и свѣтла,
На темномъ платьѣ роза золотая
Безсмертная, но мертвая цвѣла.

Чѣмъ жизнь короче, тѣмъ любовь
жесточе:
Къ ея ногамъ не могъ я не упасть,
Взглянулъ безвольно въ царственные очи
И въ нихъ прочелъ отчаянье и страсть...

Я весь ликую, счастью салютую —
Страшна-ли смерть: не я-ли на яву
Сегодня ночью розу золотую
Безсмертную, но мертвую сорву!

Чужая женщина сегодня подарила
Мнѣ, страннику, невѣдомый цвѣтокъ..
И вотъ, облокотясь всей грудью на перила,
Смотрю я внизъ на бѣшенный потокъ:
Не время-ли мое несется подъ ногами.
Какъ токъ воды, въ далекій океанъ:
Зачѣмъ же въ сердцѣ грусть о незнакомой
дамѣ,
И страсть, и боль, и жажда новыхъ ранъ?
Величье, слава, умъ — однѣ пустыя бредни,
Слова, чей смыслъ придумалъ сатана...
И чѣмъ старѣе мѣръ, тѣмъ выше, тѣмъ
побѣднѣй
Надъ нимъ любовь возноситъ знамена:
Любовь и слабаго и сильнаго осилить
И каждому, когда настанетъ срокъ,
Чужая женщина безжалостно пришпилить
Къ живой груди невѣдомый цвѣтокъ.

Прошлomu — вѣчная память
Новому — грустный привѣтъ!
Жизнь — безпощадно скупа:
Въ ней повтореній нѣтъ.

Сердцу, познавшему радость,
Радости новой не пить:
Къ новому дню отъ вчера
Рвется навѣки нить.

Даже мгновенья — не наши,
Скупъ до жестокости мѣръ:
Каждый, вкусившій вина,
Долженъ оставить пиръ.

Счастье, какъ сонъ предразсвѣтный,
Встанешь, а вновь не заснуть...
Прошлomu — грустный привѣтъ,
Новому — добрый путь!

СТАКАНЪ ВИНА.

Стаканъ вина поднимемъ за бывшее,
За все, чему забыты имена!
За ложь и быль, за доброе и злое,
За прошлое — одинъ стаканъ вина!
Пусть годы мчатъ въ зѣвающую Вѣчность
Увядшихъ грезъ багряную листву; —
Тотъ живъ еще, кто вѣруетъ въ безпечность,
И въ правду сновъ, и въ сказки на яву.
Пусть мы — не мы, пусть юношеской нѣги
Изсякъ родникъ у предпоследнихъ вратъ —
Мы подождемъ: таится въ зимнемъ снѣгѣ
Весеннихъ водъ струящійся набатъ.
Мы подождемъ... За этой мглою плотной
Очамъ души иная даль видна,
Иныхъ знаменъ колышатся полотна...
За новое — одинъ стаканъ вина!

ПОСЛѢДНІЙ КРУГЪ.

На колесницѣ, изъ красной мѣди
Я завершаю послѣдній кругъ...
Я не рыдаю — я — врагъ комедій,
Но, какъ-то грустно мнѣ стало вдругъ:
Зачѣмъ такъ долго и такъ упорно
Я гналъ усталыхъ моихъ коней?
Къ чему стремился душой задорной
Въ безшумной смѣнѣ ночей и дней?
Зачѣмъ на тройку я громко эхалъ,
Зачѣмъ се угрозой махалъ бичомъ?
Куда-же мчался, куда прѣхалъ
Старикъ разбитый параличомъ?!...
Минутой раньше. минутой позже,
Но — неизбежно замкнется кругъ,
И смерть съ улыбкой отниметъ вожжи
И бичъ поникшій изъ мертвыхъ рукъ.

ДВОЙНИКЪ.

Схожу самовольно съ высокой эстрады,
Еще не закончивши роль —
Въ оваціяхъ шумныхъ не ищетъ награды
Моя неподдѣльная боль.
Въ минуту побѣды смѣюсь надъ любовью
И ей не отдамся во власть,
Не ищетъ объятій, не купленныхъ
кровью,

Моя неподдѣльная страсть.
Бреду одиноко, среди бездорожій
Въ мое сверхдалекое — тамъ,
Но кто-то ничтожный и странно-похожій
За мною бредетъ по пятамъ.
Мы, оба — паяцы: въ одномъ —
самовластье,

Святое смиренье — въ другомъ,
Но правъ и безумецъ, кидающій счастье,
И счастье подъемлющій гномъ.

Леонидъ Кремлевъ.

Когда надъ мертвыми полями
Взойдетъ послѣдняя звѣзда;
Когда, какъ звѣрь, завоюетъ въ ямѣ
Душа въ предчувствіи Суда, —
Тогда заблещутъ въ небѣ трубы,
И ангелъ мстительной рукой
Въ мои оскаленные зубы
Вонзитъ свой факель огневой.
Но я, глотая мести пламень,
Не уступлю, не отойду,
И брошу мой послѣдній камень
Въ его послѣднюю звѣзду!

Л. І. МАШКОВСКІЙ.

БУНТЬ.

Ночью взывающій гуль
 Всплыль надъ землей,
И до зари не уснулъ
 Городъ глухой.

Тихо шептался народъ,
 Слушая мѣдь,
Выйдя изъ темныхъ воротъ,
 Чтобъ посмотрѣть.

Бросило огненный бликъ
 Въ полночь окно...
Стало свѣтлѣй. Черезъ мигъ—
 Снова темно.

Кто-то во тьмѣ пробѣжалъ,
 Полный тоской,
Крѣпко сжимая кинжалъ
 Гнѣвной рукой.

Конный тревожный жандармъ,
 Шпоря коня,
Вскачь пролетѣлъ отъ казармъ,
 Сталью звеня.

Л. І. Машковскій.

Вдругъ заблистали огни,
Цѣля въ тюрьму...
Въ мукахъ рождали они
Новую тьму.

Слышите звуки стрѣльбы?
Крики — впередъ!..
Это возстали рабы
Противъ господъ!

Утромъ смирился металлъ,
Кончился бой...
Мертвый съ кинжаломъ
лежалъ
На мостовой.

1922 г.

БЛАГОСЛОВЕНЬЕ.

Благословенны ничтожные жалкіе люди —
Тѣ, что меня привели на Голгофу Любви,
Чтобы я умеръ, за то, что бессмертно и будетъ,
Тѣмъ совершеннѣй, чѣмъ глубже страданья мои.
Благословенны зловѣщія хищныя птицы —
Тѣ, что надъ тѣломъ, безсильнымъ, какъ тающій
воскъ,
Ждутъ моей смерти, чтобъ вырвавъ когтями
рѣсницы,
Выклевать очи и вскрыть холодѣющій мозгъ.
Благословенны слѣпыя могильныя черви —
Тѣ, что сползутся, чтобъ рыться въ гніеньи
костей;
Въ каждой артеріи; каждомъ оборваномъ нервѣ
Бранныхъ останковъ земной оболочки моей.
Благословенно сѣдое всесильное время —
То, что сотретъ мою память изъ сердца живыхъ;
Вычеркнетъ имя, чтобъ я, отвергаемый всѣми,
Кануль въ забвенье, какъ камень въ пучинахъ
морскихъ.

1924 г.

ПАЛАЧЪ.

Онъ сердцемъ кристальнѣе льдины
И сталь потому палачемъ,
Что острымъ ножемъ гильотины
Владѣеть, какъ рыцарь мечомъ.
Онъ любитъ кровавое дѣло.
Головъ отрубилъ безъ числа
И каждое новое тѣло —
Шедевры его ремесла.
Опасное чувство боязни
Ему незнакомо, и ножъ,
Въ моментъ совершенія казни,
На точный инструментъ похожъ.
Всегда добродушный и скорый —
Палачъ, но не врагъ никому...
Счастливъ осужденный, который
Бываетъ назначенъ ему.

1924 г.

ПОЭМА ЭКЗАЛЬТАЦИИ.

Въ эту ночь будетъ столько покоя и мира,
Сколько тайнъ и безмолвій въ тиши алтарей;
Сколько ясныхъ созвѣздій въ пространствахъ
эфира,

Отраженнаго въ зеркалѣ сонныхъ морей.
Я усну на яву. Мнѣ пригрезятся крылья,
Уносящія душу изъ плѣна долинъ,
И, какъ молнія, вспыхнетъ мгновенье безсилья.
И погибнетъ Мечта. Я останусь одинъ.
Прилетитъ Блѣдный Ангелъ подъ черной фатою.
Оборвется послѣдняя свѣтлая нить.
Я вздохну еще разъ, разставаясь съ землею
И забуду — чего не хотѣлъ бы забыть.
Но окончится ночь. И божественнымъ словомъ
Возродится, какъ фениксъ изъ пепла, Любовь...
Будетъ новое утро чарующе новымъ —
Этотъ солнечный праздникъ огня и цвѣтовъ.
Въ это утро въ бреду будетъ сердце томиться,
Такъ, какъ таетъ весною на сѣверѣ ледъ;
Такъ, какъ въ небо взлетаетъ свободная птица
И свою триумфальную пѣсню поетъ.

1924 г.

ТИГРЬ.

Все трепещетъ, когда отправляется тигръ
За своей королевской добычей,
И не слышится въ джунгляхъ ни пѣсенъ, ни игръ
Кавалькадъ обезьяньихъ и птичьихъ.
Онъ всемогущъ, какъ смерть, и могучъ, какъ гроза!
Его сердце спокойно и смѣло,
Какъ его золотые топазы-глаза,
Какъ движенія гибкаго тѣла.
Осторожно крадется. И пятна на немъ
И сквозятъ и мелькаютъ, какъ тѣни,
Средь вечернихъ цвѣтовъ, напоенныхъ огнемъ,
И въ гирляндахъ ползучихъ растеній.
Остановится вдругъ... Въ глубинѣ его глазъ, —
Если онъ подымаетъ рѣсницы, —
Жаждой крови горитъ раскаленный топазъ,
И холодная злоба змѣится.
И, мгновенно застывъ, напрягаетъ, какъ лукъ,
Каждый мускуль подъ бархатной кожей, —
Чуть качнется высокій и темный бамбукъ
И тропическій сумракъ встревожитъ.
Онъ, какъ будто играя, слѣдитъ за врагомъ,
Замираетъ и прячется въ травахъ,
Чтобъ напасть изъ засады гигантскимъ прыжкомъ
И вонзиться когтями въ суставы.
Крикамъ жертвы безстрастно внимаетъ съ высотъ
Тотъ, Чьи звѣзды сверкаютъ въ зенитѣ,
И хрустящія кости спокойно грызетъ
Торжествующій звѣрь-побѣдитель.

1927 г.

ДРЕДНОУТЪ.

Жерла орудій, взведенныя къ небу, ревѣли.
Гордый дредноутъ при выстрѣлахъ тихо дрожальъ.
Съ воемъ снаряды взлетали къ невидимой цѣли.
Вѣяли флаги и лоснился брони закальъ.
Музыка боя гремѣла. Кружились торпеды.
Волны сверкали гирляндами яркихъ огней...
Это былъ праздникъ безумья и жажда побѣды
Вырвала всѣ ощущенья изъ сердца людей.
Робкое небо закуталось дымомъ сраженья.
Сномъ отдаленнымъ качалась въ туманѣ земля...
Быль органически слить въ волевомъ напряженьи
Духъ экипажа и корпусъ стальной корабля,
Слово, огонь и металлъ, торжествуя надъ бездной,
Хаосъ предвѣчный хотѣли на землю вернуть —
Разумъ и жизнь уничтожить грозою желѣзной;
Въ пламени сжечь океана лазурную грудь.
Бой разгорался. Грознѣй становилась картина.
Адскій оркестръ издавалъ оглушительный ревъ.
Рушились мачты и башни. Гремящія мины
Воды вздымали столбами кипящихъ валовъ.
Въ сердце дредноута, въ царство машинъ и
орудій,
Съ трескомъ обрушился залпъ. Покачнулся гигантъ.
Броню рвануль мелинить... И разверстою грудью
Тѣло стального чудовища скрыль океанъ.

1927 г.

Л. I. Машковскій.

ПРИМИТИВЪ.

Есть. Или нѣтъ Бога.
Нѣтъ. Или есть добро —
Свѣтель мѣсяць двурогій,
Какъ серебро.
Пусть невозможно счастье.
Пусть невѣрна любовь —
Пламенемъ страсти
Сожжена кровь.
Все, что было и стало.
Все, что могло быть,
Сердцу не помѣшало
Вѣрить и жить.

1927 г.

Г И М Н Ъ.

Ничто на землѣ не вѣчно
И рознымъ одинъ народъ
Не можетъ быть безконечно —
Назначенный срокъ придетъ.
Съ кличемъ: Святая Софія!
Мужчины оставляютъ трудъ;
Дѣти, и старцы сѣдые
И жены ружья возьмутъ.
Пусть сѣетъ смерть разрушенье
И кровь струится изъ ранъ —
Въ огнѣ и дыму сраженья
Зажжется солнце славянъ.

ЗИМНІЙ РОМАНСЪ.

Мы вышли въ поле, бѣлое подь снѣгомъ
И бѣль былъ сводъ небесъ, и бѣль былъ нѣжнымъ,
И все казалось мнѣ, что подь покровомъ солнца свѣтъ,
Погребено, что было и чего ужъ нѣтъ. снѣжнымъ.

*

А Вы не плачете надъ этою могилой?..
Отъ сердца больно часть отсѣчь и схоронить,
И Вы отвѣтили съ улыбкой Вашей милой:
„Давно нѣтъ больше слезъ, любить—простить“.

*

— Вы — правы, путь иной намѣченъ,
Сердечный жаръ намъ должно укротить;
Путь дологъ, но и онъ не вѣченъ,
Безъ слезъ и трепета сумѣемъ мы прожить. —

Гр. Наленчъ.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Дуновенье тепла быстролетное,
И томленье души безотчетное...
Солнце съ дождемъ и прозрачный туманъ...
Въ небѣ вечернемъ гусей караванъ.

*

Призрачно ясныя дали полей,
Игры закатныхъ тѣней и лучей,
И усталость и бодрость и страстный порывъ,—
— То обычный, знакомый, весенний надрывъ.

*

И какъ каждой весной,
Въ сердцѣ слышишь прибой,
И весеннія волны въ немъ плещутъ,
И какъ каждой весной,
Ты поэтъ и больной,—
— То весеннія грезы трепещутъ.

*

Дуновенье тепла мимолетное,
И рожденье любви искрометное...
Солнца весенняго дальній привѣтъ,
Въ небѣ вечернемъ вопросъ и отвѣтъ.

Дм. СИДОРОВЪ.

1924 — 1927 г.

* * *

Снѣжной пылью все развѣется,
Зайцемъ солнечнымъ уйдетъ...
Отчего жъ душа надѣется?..
Отчего же сердце ждетъ?..
Больше мы съ тобой не встрѣтимся,
Рукъ горячихъ не сожмемъ!
Отчего жъ надежда свѣтитъ
Золотымъ своимъ огнемъ.

* * *

Горятъ и тають наши сны...
Да! жизнь другое указала
И, вмѣсто бѣлыхъ розъ весны,
Блескъ ослѣпительный кинжала
И вмѣсто синевзорыхъ дѣвъ
Гуль потрясающихъ сраженій,
Позорящій, безсильный гнѣвъ
И запахъ крови и гнѣній!
Что-жъ, принимаю злость и
страхъ,
Благословляю сталь кинжала!
Въ играющихъ судьбой бояхъ
Я такъ же вѣренъ идеалу.

* * *

Жизнь дана для встрѣчъ тревожныхъ,
Жизнь дана для лязга шпагъ.
Трудно все — но все возможно —
Знайте это другъ и врагъ!
Наклонясь надъ черной бездной,
На гранитъ скалъ крутыхъ
Начертимъ рукой желѣзной
Слово смѣлыхъ и живыхъ.

Дм. Сидоровъ.

К А Р Т Ы.

Оплыли вѣки, свѣчи, карты,
Столовъ зеленое сукно,
А голубое утро марта
Струится въ блѣдное окно.
Съ хмѣльной тяжелой головою
Морозный воздухъ жадно пью.
Ахъ, въ это утро голубое
Мнѣ жаль до черта жизнь свою!
Но карта бита — жизнь надула...
Уймись, ненужная тоска!..
Не промахнись, стальное дуло,
У поблѣднѣвшаго виска...

Юрій СОПОЦЬКО.

СКАЗОЧКА.

Я мальчикъ маленькій изъ сказки маменьки.
Я въ теплыхъ валенкахъ и въ шубкѣ старенькой.
Въ лѣсу брожу одинъ я въ заколдованномъ.
Озябли пальчики, мнѣ очень холодно.

А сосны старыя шумятъ—качаются,
Сучки корявые скрипятъ—ломаются,
И завыванія изъ чащи слышатся,
И тѣни волчія во тьмѣ колышатся,

Глаза ихъ свѣтятся, какъ звѣзды яркія,
А надо мной вверху вороны каркають.
Бѣгу въ сугробахъ я... промокли валенки...
Я мальчикъ маленькій изъ сказки маменьки.

Но вотъ совсѣмъ свѣтло, полянка бѣлая...
Тропинкой узкою иду не смѣло я,
И вижу, вдругъ, въ лѣсу я домикъ сказочный,
Онъ весь изъ сахара и съ крышей пряничной.

Я отломить хочу отъ стѣнки крошечку,
Но вѣдьма старая глядитъ въ окошечко,
У входа черный котъ на солнцѣ грѣется
И печь огромная внутри виднѣется.

Ахъ знаю, знаю — печь кому готовится.
Да только сказочки конецъ мнѣ помнится:
Сейчасъ войду я внутрь, и, пусть я маленькій,
Столкну колдунью въ печь и съѣмъ всѣ пряники!

ДОБРЫЙ ВЕЛИКАНЪ.

Былъ когда то маленькимъ я Ваней,
Міръ тогда былъ, какъ волшебный лѣсъ,
Сотканный изъ пѣсенъ старой няни
И изъ разныхъ сказочныхъ чудесъ.
Карлики подъ столиками жили;
Мурка-котъ былъ самый умный котъ!
А въ гостинной ночью волки были
И водили мыши хороводъ.
Я слыхалъ, какъ шепчутся игрушки,
Если ночью просыпался вдругъ,
И искалъ рукою подъ подушкой —
Тамъ ли Мишка, плюшевый мой другъ.
У меня еще былъ другъ завѣтный,
Приходилъ онъ изъ далекихъ странъ,
Для людей обычныхъ незамѣтный,
Добродушный длинный великанъ.
Когда солнце, утомясь подъ вечеръ,
Уходило на ночной покой,
Я смотрѣлъ, какъ въ небѣ звѣзды-свѣчи
Зажигалъ онъ длинною рукою.
А когда мои смыкались глазки,
Наклонялся надъ кроваткой онъ
И показывалъ картинки въ краскахъ
Изъ далекихъ сказочныхъ сторонъ.
Я теперь давно уже не Ваня;
Я теперь совсѣмъ большой Иванъ,
Но мнѣ кажется, что въ странахъ дальнихъ
Все-таки живетъ мой великанъ.

МЕЖДУ ПЛАНЕТЪ.

Высоко надъ землей, межъ далекихъ планетъ,
Совершая свой путь вѣковой,
Милліарды міровъ и хвостатыхъ кометъ
Безконечной летятъ чередой,

Словно кто-то рассыпаль блестящій алмазь,
И горящія искры ракетъ.
И у каждой звѣзды самый странный рассказъ,
Какъ и странный, мигающій свѣтъ.

Посмотри же на небо, на звѣздный коверъ,
Что ты видишь тамъ въ безднѣ ночной.
Жутко, страшно... Вотъ, вотъ ты, сорвавшись въ
просторъ,
Полетишь туда внизъ головой

И не будетъ ни крика, — лишь сердце въ груди
Отсчитаетъ послѣдній ударъ.
И сверкнетъ старый міръ за тобой позади,
Какъ туманный и маленькій шаръ.

Юрій Сопецько.

* * *

Нѣтъ, не жаль умереть, не найдя въ себѣ
Желанья идти по земному пути,
И не жаль умереть въ беспощадной борьбѣ
Съ пулей свинцовой въ груди;

И не страшно въ засадѣ найти свою смерть,
Не узнавъ, чья была это месть.
Но какъ страшно, какъ глупо, какъ смѣшно
умереть
Оттого, что нечего ѣсть!

Екатерина ТАУБЕРЪ.

ВЪ СВЯТОЙ КИТЕЖЪ ГРАДЪ,

Въ дыму пожарищъ бредемъ, товарищъ,
Съ тобою вдаль.
И мчится вѣтеръ, бодрящъ и свѣтель,
Какъ прежде, встарь.

И пляшетъ пламя — лихое знамя
Народныхъ дѣлъ,
Людскія тѣни, какъ сонмъ видѣній.
И груды тѣлъ.

Набата звоны и чьи-то стоны,
И плачь дѣтей.
Народъ безродный, въ степи безплодной
И цѣпь огней.

И путь нашъ дологъ, какъ снѣжный пологъ
Родной зимы.
И въ градъ далекій, тамъ, на Востокъ,
Стремимся мы;

И бодримъ шагомъ идемъ мы рядомъ,
Идемъ одни.
Все ближе къ цѣли: пышнѣе ели,
Свѣтлѣе сны,

И градъ желанный, обѣтованный,
Предѣль страстей.
Глубоки воды, въ нихъ тонуть своды
Святыхъ церквей,

Екатерина Тауберъ.

Но богомольный зовъ колокольный
Изъ глубины
Какъ кличъ протяжный, рокочетъ важно
Подъ плескъ волны.

Для всѣхъ усталыхъ, великихъ, малыхъ,
Бездомныхъ душъ
Горящихъ вѣрой, откроетъ двери
Нездѣшній Мужъ

И въ градъ забытый, давно сокрытый
Подъ гладью водъ,
Толпой несмѣлой, въ одеждѣ бѣлой,
Войдетъ народъ.

А. БЛОКУ.

Ее онъ встрѣтилъ въ осенній вечеръ,
Когда, какъ солнце, намъ міръ далекъ.
Онъ былъ измученъ и странно свѣтелъ
Послѣдній рыцарь — Блокъ.
На перекресткѣ, подъ фонарями
Звучали пошло его слова,
Но взоръ пронзенный дышалъ морями
И небомъ божества.
Свершая словно обрядъ печальный
Вошелъ онъ съ нею въ какой-то домъ;
Молчанье длилось, какъ сонъ хрустальный
О бытіи иномъ.
Она заснула въ мечтаньи странномъ
Подъ скорбнымъ взглядомъ далекихъ
глазъ,
Искавшихъ гдѣ-то такъ неустанно
Единственный алмазъ.
А онъ, онъ грезилъ о стройной Дамѣ,
О той Прекрасной, чей звѣздный слѣдъ
Ему открылся въ высококомъ храмѣ
И былъ всю жизнь, какъ бредъ.
Онъ числилъ годы своихъ исканій:
Въ пустынной Церкви, межъ голыхъ стѣнъ
Въ пріютѣ дѣвы ночныхъ лобзаній,
Въ безуміи Кармень.
Онъ числилъ годы... Часы летѣли...
Когда жъ внезапно расцвѣлъ Востокъ,
Онъ вышелъ тихо на грязь панели
Поэтъ поэтовъ — Блокъ.

J. J. ROUSSEAU.

Чувствительная чувственность Руссо
Сквозить въ страницахъ „Новой Элоизы“;
Страстей впустую кружатъ колесо
Его души стремительные бризы:

Всѣмъ управляетъ разумъ ледяной
Разсудочно-французскаго мышленья
И замыкаетъ каменной стѣной
Путь невозможнаго горѣнья.

Влюбленный въ добродѣтель умъ
Ежеминутно съ чувствомъ спорить,
А двойственность и дѣль и думъ,
Какъ хоръ классическій лишь вторить. .

Взошла по лѣстницѣ знакомой
Взглянуть на запертую дверь,
И прежней вспыхнуло истомой
Казалось — мертвое, — теперь.

Здѣсь столько было пережито,
Здѣсь каждый камень, какъ родной,
Сюда таинственные нити
Вели вечернею порой.

И въ часъ, когда окно тускнѣло
И тихо плакала свирѣль,
Иль пѣсни бѣшенныя пѣла
Вдоль улицъ пьяная мятель,

Въ безгласномъ черномъ корридорѣ
Межъ двухъ невидимыхъ зеркалъ,
На мигъ встрѣчались чьи-то взоры,
Кого-то кто-то цѣловалъ.

И это было, было, было...
И снова снится каждый разъ,
Какъ незабвенная могила,
Какъ въ дѣтствѣ слышанный рассказъ.

Какъ будто тамъ—въ проходѣ длинномъ
Все тѣ же дремлютъ вечера,
Все такъ же стѣны смотрятъ чинно
И было это все вчера.

И губъ волнующая близость,
И глазъ влекущая игра,
И эта ласковая сизость,
Въ которой сходятъ вечера.

И на полянѣ, въ лунномъ свѣтѣ,
Какъ черный бархатъ, тѣнь дубовъ,
И эта грусть начала лѣта,
И пѣснь послѣднихъ соловьевъ.

И мысль, что то невозвратимо,
Что было раннею весной,
Что тѣнью легъ непоправимой
Нашъ вечеръ сизо-голубой,

ГИМНЪ ДІОНИСУ.

Въ поля, въ поля! Вѣнки сплетите,
Сомкнитесь въ тѣсный хороводъ,
Одежды старыя сорвите,
Встрѣчая солнечный восходъ.

По гроздьямъ чернымъ винограда
Пускай бѣжитъ священный сокъ,
И опьянительной усладой
По жиламъ ринется потокъ.

Пускай стремится жадно тѣло
Боль нестерпимую познать.
И ногти острые пусть смѣло
Вонзятся въ грудь, кладя печать!

Страданій нѣтъ! — Лишь наслажденье...
И муки нѣтъ! — Одинъ восторгъ
Приноситъ каждое мгновенье
Тому, въ кого вселился богъ.

О, Діонисъ, твоимъ велѣньямъ
Подвластна бѣшенная кровь!
И древнимъ дышатъ изступленьемъ
И пѣсни наши и любовь.

ПАНОНІЯ.

По этимъ степямъ проходили гунны
И венгры жгли костры,
Однообразные, какъ дюны,
Какъ кладбища кресты.

Ночами ѣли человѣчье мясо,
Бросали кости псамъ;
И отдавались бѣсу пляса
По стоптаннымъ полямъ.

Плоты пускали по зеленой Тиссѣ,
Не спрашивая дна;
И плавала въ прозрачной выси
Злорадная луна.

Пришелъ неотвратимый день
И мы разсталися врагами.
Въ быломъ—одна ночная тѣнь,
Въ грядущемъ—кто-то между нами.

И нѣтъ ни пѣсенъ, ни дорогъ,
Лишь черныхъ вороновъ круженье,
Да тотъ таинственный порогъ,
Гдѣ всѣ кончаются мученья.

Ну что-же! Не впервые пить
Изъ милыхъ рукъ мнѣ эту чашу.
И я готова Вамъ простить
Мою любовь и нѣжность Вашу.

Вы — просто зеркало моего тщеславія,
Иногда мнѣ нравится кинуть бѣглый взглядъ
Въ гладь души прозрачную, гдѣ изъ своенравія
Я свершила нѣкогда огненный обрядъ.

Тамъ нынѣ властвую. Воздають мнѣ почести:
Вы одинъ замѣните тысячи жрецовъ
И когда могущества неземного хочется,
Я гляжу въ Васъ пристально, долго и безъ словъ.

На столъ я забыла тетрадь
И валялась она до тѣхъ поръ,
Пока ты захотѣлъ прочитать
Приходящій мнѣ въ голову вздоръ.

И въ смѣшномъ безпорядкѣ страницъ,
Гдѣ всѣ строчки куда-то спѣшатъ,
Точно стаи испуганныхъ птицъ,
Отыскалъ твой внимательный взглядъ

Пару строкъ... Ужъ не помню о чемъ...
Мало ль глупостей пишешь подчасъ
О тебѣ, о себѣ и о томъ,
Что не сбудется въ жизни для насъ.

Такъ нельзя жъ, милый другъ, придавать
Столько важности этимъ стихамъ:—
Я способна ихъ завтра порвать
И смѣяться вчерашнимъ слезамъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр
Вс. Григоровичъ.	
Поэты	5
Изида	6
Въ ночныхъ поляхъ	7
Надъ городомъ	8
Ангель чистоты	9
Долженъ	10
Изъ цикла „Океаны“ I	11
„ II	12-13
Превыше силъ	14
Евг. Кискевичъ.	
Сизифъ	15
Поцѣлуй	16
Звѣздный городъ	17-18
Моленіе о чудѣ	19-20
Утвержденіе	21
Кто полюбилъ на мигъ	22
Лѣтній дождь	23
Молчаніе	24
Любовь, гдѣ двое побѣдители	25
Новый день	26
Ирина Кондратовичъ.	
Колдунья	27
Мери	28
Смерть Мери	29-30
Весеннее	31
Пьеро	32
Александръ Костюкъ.	
Пѣть, чтобы вѣчно пѣть	33
Я васъ не видѣлъ	34
Аннамитская пѣсня	35
Камень	36
Леонидъ Кремлевъ.	
Я осужденъ	37
Мы призраки	38-39
Легко ступая	40
Чужая женщина	41
Прошлому	42
Стаканъ вина	43
Послѣдній кругъ	44
Двойникъ	45
Когда надъ мертвыми полями	46

Л. І. Машковскій.

	Стр.
Бунтъ	47-48
Благословеніе	49
Палачъ	50
Поэма экзальтаціи	51
Тигръ	52
Дредноутъ	53
Примитивъ	54
Сомнѣніе	55
Гимнъ	56

Г. Наленчъ.

Зимній романсъ	57
Весенній вечеръ	58

Дм. Сидоровъ.

Снѣжной пылью	59
Горятъ и тають.	60
Жизнь дана	61
Карты	62

Юрій Сопоцько.

Сказочка	63
Добрый великанъ	64
Между планетъ	65
Нѣтъ не страшно	66

Екатерина Тауберъ.

Въ святой Китежъ Градъ	67-78
На головѣ лежатъ такъ гладко волосы	69
А. Блоку	70
J. J. Rousseau	71
Взошла по лѣстницѣ	72
И губъ волнующая	73
Гимнъ Діонису	74
Паннонія	75
Пришель неотвратимый	76
Вы просто зеркало	77
На столъ я забыла	78

